

ОТ АВТОРА

1976 год. Москва. Моховая... прошу прощения — проспект Маркса. Крыльцо Института общей и педагогической психологии АПН СССР.

М. К. Мамардашвили в перерыве между лекциями набивает табаком трубку.

— Мераб Константинович, какая сейчас самая актуальная проблема в психологии?

Не торопясь, зажигает огонь. Раскуривает. Затягивается. Облачко ароматного дыма. Взгляд исподлобья:

— Как и везде. Проблема выживания.

Прошло четверть века¹. Выжила ли наша психология? Скажут, что за вопрос?! Полки книжных магазинов ломаются от психологической литературы. Вместо трех профессиональных журналов выходят десятки. Есть даже психологические газеты. В одной только Москве больше пятидесяти (!) психологических факультетов. Действуют сотни психологических центров разного профиля — и государственных, и общественных, и частных. Признаки роста налицо. Психологии много. (Иногда кажется даже, что слишком много.) И тем не менее вопрос о выживании не так прост.

Живой организм — это не набор какого-то количества органов. Признаком «жизненности» является не только рост, но и целостность. Именно единства нашей психологии недостает для того, чтобы она не просто выживала, а полнокровно жила. Цельность в науке — это не монолитное единомыслие, а возможность сойтись в споре, значимость противостояния позиций и подходов. Сейчас же в нашей профессии камни разбросаны настолько, что они почти не сталкиваются между собой. Нет общего пространства мысли, где научное слово могло бы кого-то всерьез затронуть, возмутить или обрадо-

¹ Текст книги с учетом последней авторской редакции, добавлений и комментариев публикуется по изданию: *Васильюк Ф. Е.* Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003. 240 с. Библиографический список уточнен и дополнен новыми изданиями работ автора. — *Примеч. ред.*

вать, вдохновить и побудить к ответу и дискуссии. Слово перестало быть общезначимым событием.

Не знаю, наступило ли время собирать камни. Но хорошо представляю образ «героя» новой психологии, которому эту задачу собирания камней предстоит решать. Это молодой коллега, получивший университетское психологическое образование и благодаря здоровой инертности всякой образовательной системы успевший приобщиться к живой традиции отечественной психологической мысли. Его учителя лично знали «отцов-основателей» А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурию, П. Я. Гальперина, Д. Б. Эльконина и др. В то же время у моего воображаемого героя была возможность погрузиться в океан западной психологической литературы, возможность, которую до середины 1990-х годов имели лишь единицы. Но и это не все — многочисленные тренинги, «workshop'ы» заезжих психологических знаменитостей, мастер-классы по разным направлениям психологической практики, которые за пять лет учебы на психологическом факультете он успел посетить, довершают краткий обзор первичного профессионального багажа молодого психолога. Багаж немалый, он не страдает от дефицита информации, но, похоже, страдает от дефицита системы. Голова его пухнет от множества трудно совместимых между собой подходов, категорий, взглядов и методов. Каждый метод вроде бы работает, каждая из освоенных им многочисленных концепций по-своему убедительна, за каждым подходом стоят мировые авторитеты, которые к тому же (неслышанное для предшествующих психологических поколений дело!) предлагают вполне реальную возможность дальнейшей углубленной специализации. Нужно делать выбор, который решит, быть может, всю дальнейшую профессиональную судьбу. Это время, когда появляется насущная потребность не просто узнать что-то новое, но навести порядок в своих знаниях, выработать отношение к разным школам, занять позицию; время, когда нужно что-то противопоставить гипнозу убедительности существующих психологических теорий и попытаться сказать свое слово в науке.

Наш герой поступает в аспирантуру, справедливо надеясь на особую форму обучения, где ему не просто предоставят возможность подготовить и защитить диссертацию, но и помогут выработать осознанную, личную систему профессиональных взглядов, профессиональное мировоззрение. Однако этому-то его как раз никто и не учит. Курсы по психологии большей частью представляют собой подготовку к сдаче кандидатского минимума, то есть конспективное повторение дисциплин психологического цикла, которые он в развернутом виде уже прослушал на психологическом факультете. При этом сам принцип обучения совершенно не меняется. А жаль.

Жаль потому, что и магистральное направление, по которому пойдет развитие нашей психологии, и то, сможет ли отечественная психология снова собраться в целостную дисциплину, преодолеть раздробленность на тысячу мелких островков, — все это зависит именно от сегодняшнего аспиранта. Так было не всегда и так будет недолго. Сейчас в аспирантуру приходит первое поколение психологов, которые получили образование в небывалых до сих пор условиях — во-первых, в ситуации вполне сформировавшейся психологической практики, во-вторых, при обилии переводов западной психологической литературы, в-третьих, при живой еще отечественной психологической традиции. Такое сочетание условий встречается впервые. Поэтому позволю себе выдвинуть прогноз, что именно из аспирантов первого десятилетия нынешнего века должны выйти лидеры психологии, которые определяют лицо нашей науки на следующем большом историческом этапе.

Исходя из этих соображений, самым актуальным в развитии психологического образования сегодня является реформирование системы обучения в аспирантуре. И главная инновация, которая, на мой взгляд, должна быть внесена в эту систему, — обучение критическому методологическому мышлению.

С таким пониманием исторической ситуации отечественной психологии связан замысел данной книги. Она задумана как учебное пособие по курсу «Техника методологического анализа в психологии», который автор планирует разработать и прочесть для аспирантов МГППУ. Цель этого курса, в отличие от традиционно читающегося в рамках пятилетней университетской программы курса «Методологические основы психологии»², состоит не в том, чтобы рассмотреть философско-методологическое значение некоторых важных проблем, принципов, подходов и категорий психологии, а в том, чтобы научить слушателя технике самостоятельного формулирования и решения методологических задач, возникающих в ходе всякого научного исследования. Не плоды методологического анализа, а его методику

² Вот государственный стандарт содержания этого курса: «Общее представление о методологии науки; методология психологии, теория, метод и методика; парадигма; классическая и постклассическая парадигма науки; специфика психологического знания; научное и ненаучное психологическое знание; проблема объективности; категории психологии: деятельность, отражение, личность, сознание и общение; основные принципы психологии: активность, развитие, детерминизм, системность; структура психологических учений; психофизическая и психофизиологическая проблемы».

и инструментарий — вот что хотелось бы выдвинуть на первый план в этом курсе. Рассчитываю на интерес аспирантов к такому курсу, поскольку написание литературного обзора к диссертации, формулировка предмета и метода исследования, ответы на традиционные вопросы о теоретической новизне и практической значимости как раз и требуют навыков в решении методологических задач.

Можно выделить три рода таких задач и, соответственно, три уровня методологической работы:

- 1) методологический анализ психологических понятий;
- 2) методологический анализ психологических теорий;
- 3) методологический анализ состояния данной области психологической науки.

Так выглядит и общая структура книги. В каждой из трех частей мы приводим примеры, образцы методологических анализов, где методологический инструментарий показывается в действии.

Это не хрестоматия и не учебник, а именно «учебное пособие» для авторского спецкурса. Автор подобрал для него собственные тексты так, чтобы они могли выпукло представить средства и технику методологического анализа на разных уровнях: уровне психологического понятия, отдельной теории и научной ситуации. Конечно, ни хрестоматии, ни учебника такое пособие не заменит, но и в нем есть нечто незаменимое и важное, то, что обычно не попадает в хрестоматии и учебники, — личное профессиональное мировоззрение. Для того чтобы аспиранту вырабатывать собственную профессиональную позицию, ему нужно встретиться не только с научными понятиями, категориями и концепциями, но и с чьей-то персональной позицией, разумеется субъективной, но не просто декларированной, а воплощенной в конкретном исследовательском материале. Второе преимущество такого монографического пособия по сравнению с хрестоматией — в том, что к анализу разнообразного материала применяются одни и те же методологические средства, что дает возможность лучше понять и ощутить данный набор инструментов.

Почти все методологические средства, которые используются в этой книге, были созданы работой знаменитого Московского методологического кружка (ММК) под руководством Г. П. Щедровицкого. Мне довелось посещать кружок в середине 1970-х годов, и особенное влияние на мое мышление оказали тогда В. Я. Дубровский и О. И. Генисаретский, которых я считаю своими учителями в области методологии.

Первые, еще студенческие пробы применения освоенных в кружке методологических орудий на конкретном психологическом материале про-

ходили в творческом диалоге с преподавателями факультета психологии МГУ В. П. Зинченко, Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыреем, А. А. Тюковым, А. Г. Асмоловым, В. В. Петуховым. С благодарностью вспоминаю интеллектуально напряженную и личностно раскрепощенную вдохновляющую атмосферу, в которой проходили их занятия.

Я с удовольствием готовил это пособие для аспирантов, может быть, еще и потому, что собственные годы аспирантуры, прошедшие под руководством А. Н. Леонтьева, а после кончины Алексея Николаевича под руководством В. П. Зинченко, вспоминаются как один из самых радостных и насыщенных периодов жизни, когда профессиональные взгляды складывались в силовом поле между библиотекой и дружеским застольем, и психология причудливо переплеталась с обстоятельствами личной судьбы, литературными вкусами, спортивными увлечениями, политическими анекдотами и философией жизни. Благодарю за эти воспоминания моих учителей и друзей. Из последних особенно Н. А. Алексеева и В. Э. Реньге.

Часть 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Глава 1.1. ВВЕДЕНИЕ

Понятие является основным средством научного мышления. Всякий профессионал знает, насколько успех дела зависит от совершенства и состояния орудий его труда, и потому с любовью и тщанием относится к ним — чистит, правит, смазывает, настраивает. Ученый — и в частности психолог — не исключение. Какой бы работой ни был занят психолог — исследовательской или практической, — если он хочет действовать не «по-фельдшерски» и не по наитию, если хочет понимать то, что делает, словом, если выбирает путь профессионала, ему необходимо овладеть мастерством обращения с научными психологическими понятиями. Это мастерство включает в себя, во-первых, умение осваивать понятия, во-вторых, искусство применять их и, в-третьих, навыки методологической обработки понятий (одно дело — овладеть приемами стрельбы из ружья, другое — стрелять и третье — ружье ремонтировать и чистить). Понятиям, как и материальным орудиям труда, свойственно ветшать, притупляться, засоряться, и потому они нуждаются в постоянной методологической заботе. Иногда она состоит в попутной корректировке понятия, иногда приходится ставить его на капитальный ремонт, разбирать на части и собирать заново, иногда требуется создать совершенно новое научное понятие (взяв в качестве материала старый термин, житейское слово, поэтическую метафору), иногда необходимо «выполоть сорняки» диких понятий, чтобы пробиться к ясному смыслу, но так или иначе методологическая составляющая в профессиональном психологическом мышлении присутствует всегда.

Настоящее пособие вовсе не ставит перед собой цели полного освещения существующих видов и приемов методологической работы с понятиями —

это задача особого метаметодологического текста, здесь же мы даем лишь выборочные образцы методологических анализов психологических понятий.

В главе 1.2 предметом такого анализа станет понятие стресса. Это пример «попутной» методологии, которая обслуживает работу теоретического конструирования, как бы расчищая для задуманной теории пространство мысли и готовя для будущих теоретических конструкций вспомогательные элементы и формы. Методологический анализ понятия заключается здесь в том, чтобы, выявив логические противоречия в его научном употреблении, отыскать тот неявный категориальный контекст, в котором противоречия снимаются, и тем самым определить точные условия научно-критического (в отличие от наивно-реалистического) употребления этого понятия. Такая методологическая работа напоминает попытку палеонтолога, нашедшего остатки странного органа ископаемого животного, восстановить среду обитания и образ жизни его, чтобы понять биологический смысл и функцию этого органа.

В главе 1.3 «Историко-методологический анализ психотерапевтических упований» методология играет не служебную, а относительно самостоятельную роль, соответственно этому изменяются и задача, и метод работы. Сначала вводится рабочая методологическая категория «упования», отражающая, как утверждается, важнейший структурный компонент любой психотерапевтической системы, а затем под углом зрения этой категории рассматриваются последовательно появлявшиеся на исторической сцене психотерапевтические подходы. С этими подходами проводится методологическое интервью, в котором всем им предлагают ответить на один и тот же вопрос, и затем полученные ответы выстраиваются в один квазиисторический ряд³. Продолжая палеонтологические аналогии, можно сказать, что если бы таким методом воспользовался палеонтолог, он выделил бы одну интересующую его биологическую функцию (питание, локомоцию и т. п.), затем проанализировал бы те органы, те морфологические приспособления, которые у организмов разных эпох эту функцию выполняли, и в итоге расставил бы их не в хронологическом порядке, а в порядке принципиальных новаций в этих органах.

³ Сам такой метод работы стоит назвать «квазиисторическим» анализом. Его отличие от исторического состоит в том, что он не стремится проследить фактические исторические связи, но лишь выявить внутренне необходимую категориальную логику исторической смены психологических понятий. Поэтому подобная методологическая работа не столько историческая, сколько «поэтическая», имея в виду определение, согласно которому дело поэта, в отличие от историка, «говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости» (Аристотель, 1984, 655).

Разумеется, представленными в этой части книги двумя методологическими этюдами все многообразие видов анализа психологических понятий и категорий не исчерпывается. Но, повторим, задача данного учебного пособия вовсе не в создании завершённой методологической системы, а в том, чтобы предложить аспиранту примеры методологических анализов, которые позволят ему в подходящей профессиональной ситуации действовать по логике прецедента, применяя использованные в этих примерах методологические средства и операции к другим психологическим понятиям и категориям.

Глава 1.2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «СТРЕСС»⁴

Если бы требовалось одним словом определить критическую жизненную ситуацию, следовало бы сказать, что это — ситуация невозможности. Невозможности жить, реализовывать внутренние необходимости жизни (удовлетворять потребности, достигать цели, воплощать ценности и т. д.). Из круга терминов, которыми в современной психологии описывается эта реальность, можно выделить четыре ключевых, наиболее значимых понятия: стресс, фрустрация, конфликт и кризис. Хотя литература по данному вопросу огромна⁵, теоретические представления о критических ситуациях развиты довольно слабо. Особенно это касается теорий стресса и кризиса.

⁴ Этот короткий методологический этюд представляет собой фрагмент из книги «Психология переживания» (Василюк, 1984; 2024). Теоретическая задача, в контексте которой возникла необходимость в подобном анализе, состояла в том, чтобы введенное автором понятие критической ситуации соотнести с существующими в психологической литературе родственными понятиями. Результатом решения этой задачи стало объединение ряда раздробленных «понятий-княжеств» (стресса, конфликта, фрустрации и кризиса), то посягавших на земли соседей, то не желавших знать друг друга, в одну централизованную «категорию-государство», внутри которой каждое понятие получило свой строго определенный «надел» с четкими границами. Таков был конечный итог, в предлагаемом же фрагменте читатель увидит, как именно устанавливались пограничные знаки (стоит напомнить, что латинское «термин» означает пограничный знак, межа, граница), очерчивающие территорию одного из «княжеств» — понятия «стресс».

⁵ По одному только стрессу и темам, с ним связанным, уже к 1979 году было опубликовано, согласно данным Международного института стресса, 150 000 работ (Selye, 1979, 11).